

41-318
ИСТОРИЧ. НАУЧ. Б-НО
Ф. 22
ИЗДАНИ. №
1914 2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СXXXVIII.

1914

ПЕТРОГРАДЪ

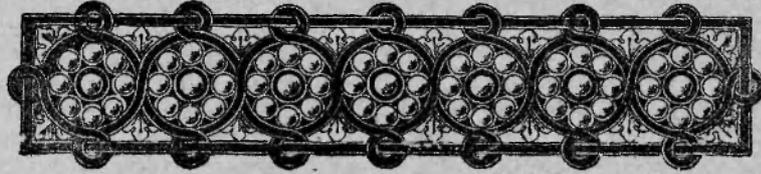

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Зртелевъ, 13

1914

Р

ВОЙНА ВЪ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВѢ ЛЕРМОНТОВА.

Есть упоеніе въ бою...

Пушкинъ.

Я думалъ: жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много веѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ...—Зачѣмъ?..

Лермонтовъ.

ТОЛѢТІЕ со дня рожденія Лермонтова совпало съ кровавой «грозою военной непогоды», переживаемой нынѣ Россіей. Вполнѣ естественно, что общественное вниманіе отвлечено теперь отъ литературныхъ юбилеевъ и сосредоточено на новостяхъ о военныхъ событіяхъ. Но въ жизни и творчествѣ Лермонтова есть одна сторона, которая особенно приближаетъ его къ намъ въ эти дни героической борьбы великихъ народовъ между собою. Поэтъ на собственномъ опытѣ во время своей службы на Кавказѣ позналъ какъ «упоеніе въ бою», такъ и цѣну войны и отразилъ ихъ въ художественномъ своемъ творчествѣ. Иэтой, мало подчеркнутой изслѣдователями Лермонтова, сторонѣ его біографіи и литературной дѣятельности посвящаются настоящія бѣглыя строки.

I.

Если придавать значеніе отдаленной наслѣдственности, то приходится признать, что въ Лермонтовѣ отразился воинственный духъ его шотландскихъ предковъ. Родоначальникъ рус-

ской вѣтви Лермонтовыхъ, Георгъ Лермонтъ былъ въ 1613 году взятъ въ плѣнъ русскими войсками въ бою подъ Бѣлымъ, перешелъ затѣмъ на службу къ московскому государю и сложилъ свою голову, храбро сражаясь съ поляками близъ Смоленска. Его ближайшіе потомки служили вѣрой и правдой русскому государству, какъ по гражданскому управленію, такъ и на ратномъ полѣ. Наконецъ, Юрій Петровичъ Лермонтовъ, отецъ поэта, съ достоинствомъ носилъ военный мундиръ Кексгольмскаго пѣхотнаго полка, но въ строю прослужилъ недолго и рано посвятилъ себя заботамъ о военномъ воспитаніи юношества въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ въ свое время и самъ окончилъ учебный курсъ.

Но если въ семьѣ Лермонтовыхъ и существовала военная традиція, то ея проявленія энергичнымъ образомъ заглушались тѣмъ почти исключительно женскимъ вліяніемъ, которому былъ подчиненъ будущій поэтъ въ дѣтствѣ и юности. Воспитанный своей бабушкой Е. А. Арсеньевой, Лермонтовъ съ малыхъ лѣтъ былъ окруженъ преимущественно женщинами, что развило въ немъ большую мечтательность и нѣжную мягкость характера. Но бывали минуты, когда эти привитыя воспитаніемъ свойства уступали въ немъ мѣсто унаслѣдованнымъ отъ предковъ воинственнымъ настроеніямъ. Тогда онъ собиралъ вокругъ себя сверстниковъ, производилъ имъ военныя ученія и водилъ ихъ въ бои противъ воображаемыхъ враговъ. Отголосокъ этихъ дѣтскихъ переживаній мы находимъ въ отрывкѣ одной не оконченной Лермонтовымъ повѣсти, гдѣ герою, характеръ котораго имѣеть, несомнѣнно, черты автобиографическія, крѣпостныя дѣвушки «разсказываютъ сказки про волжскихъ разбойниковъ—и его воображеніе наполняется чудесами храбрости, картинами мрачными и понятіями противообщественными». И долго потомъ въ бессонныя ночи «онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури»...

Рядомъ съ мечтами и сказками шли также и впечатлѣнія отъ прошлой дѣйствительности. Гувернеръ Лермонтова, эльзасецъ Капэ, нѣкогда плѣнный офицеръ французской гвардіи, восторженными разказами о военныхъ подвигахъ своего императора пріобщалъ душу юнаго воспитанника къ культу Наполеона и училъ его не только быть храбрымъ, но и относиться съ уваженіемъ къ несчастіямъ храбрыхъ. И эти рыцарскія правила Лермонтовъ усвоилъ себѣ навсегда.

Эти зерна любви къ войнѣ и къ военной жизни, конечно, могли бы заглохнуть совершенно безслѣдно въ душѣ Лермонтова, если бы не одна случайность... А случайности, вообще, играли въ жизни Лермонтова огромную роль, и не онѣ ли выработали въ немъ такого убѣжденнаго и послѣдовательнаго фаталиста?

«Штатское» образованіе поэта, которому всецѣло сочувствовала бабушка Арсеньева, буквально дрожавшая надъ своимъ внукомъ, оборвалось въ московскомъ университетѣ, вслѣдствіе одной изъ студенческихъ исторій и столкновенія съ профессорами; перейти же въ петроградскій университетъ съ зачетомъ времени, проведеннаго въ Москвѣ, не удалось—и Лермонтовъ, по совѣту своихъ друзей и родственниковъ Столыпина и Юрьева, поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Университетскія неудачи, видимо, заставляли страдать его самолюбіе. «Не могу представить себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на васъ моя великая новость,—пишетъ онъ М. А. Лопухиной.— До сихъ поръ я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу,—и вотъ теперь я воинъ.

«Быть можетъ, тутъ есть особая воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче; и если онъ не ведетъ къ моей первой цѣли, можетъ быть, по немъ дойду я до послѣдней цѣли всего существующаго: вѣдь лучше умереть со свинцомъ въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго истощенія».

Чувствуется, что подъ этимъ наиграннымъ разочарованіемъ заботливо прячется сконфуженная растерянность отъ университетской неудачи. Вообще переписка Лермонтова, относящаяся къ этому времени, поразительно сходственна съ такими «виноватыми» письмами къ С. Н. Толстому брату Льва Толстого, вынужденнаго покинуть аудиторію казанскаго университета и, подобно Лермонтову, надѣтъ юнкерскій мундиръ.

Время залечило эти раны самолюбія—и поэтъ мало-по-малу втянулся въ размѣренную и суровую жизнь военнаго училища. Характерно, что Лермонтовъ, не сходявшійся со своими университетскими товарищами, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы Вистенгофъ,—нашелъ себѣ много друзей въ средѣ юнкеровъ. Мало того, они оказались внимательными слушателями его произведеній, и, благодаря усердію одного изъ военныхъ поклонниковъ поэзіи Лермонтова, его юношеская поэма «Хаджи Абрекъ» появилась въ печати, впервые за полную подписью автора.

Вольнолюбивому Лермонтову, конечно, не легко давалась жизнь въ закрытомъ учебномъ заведеніи съ его строгой дисциплиной и чиновничьимъ. «Мы возвратились въ городъ, и скоро начнутся наши занятія,—пишетъ онъ осенью 1833 года М. А. Лопухиной.— Единственное, что меня поддерживаетъ, это мысль, что черезъ годъ я офицеръ! и тогда... Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь намѣренъ я повести! О это будетъ восхитительно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ...»

Лермонтовъ не договариваетъ въ этомъ письмѣ, что будетъ «во-вторыхъ»... Но изъ его біографіи мы знаемъ, что по производ-

ствѣ въ офицеры онъ сумѣлъ соединить «шаловливыя чудачества» какъ съ серьезными литературными занятіями, такъ и съ усерднымъ исполненіемъ обязанностей строевой службы, что давало его непосредственному начальству возможность неоднократно аттестовать его, какъ прекраснаго фронтowego офицера.

Въ этотъ періодъ времени Лермонтовъ еще мало думаетъ о ратныхъ подвигахъ. Онъ всецѣло отдается жизни, беретъ отъ нея все, что она можетъ ему дать. По собственному своему признанію, онъ стремится проникнуть въ высшіе круги столицы. Быть можетъ, онъ хотѣлъ блистать въ нихъ и при этомъ не только своей эффектной формой лейбъ-гусарскаго корнета, но и глубиною мысли и отточенностью мѣткаго слова. Скоро, однако, это увлеченье свѣтскимъ обществомъ уступило мѣсто,—подъ впечатлѣніемъ предсмертной драмы Пушкина, — глубокому презрѣнію, съ особенной силою излитому въ стихотвореніи «Смерть поэта».

За этотъ вдохновенный крикъ души, истолкованный нѣкоторыми охранителями, какъ «воззваніе къ революціи», Лермонтовъ поплатился ссылкой на Кавказъ—въ Нижегородскій драгунскій полкъ.

Кажется, что эта кара была благодѣтельной для Лермонтова. Она довершила переворотъ въ его воззрѣніи на военную службу. Ему и въ Петербургѣ, видимо, мало вѣрилось въ благодѣтельную спасительность вытянутыхъ въ тѣ времена въ одну линію солдатскихъ носковъ и безукоризненно начищенныхъ кирпичомъ мундирныхъ пуговицъ. Не даромъ же онъ, такой исправный служака, позволялъ себѣ нерѣдко фронтдировать, намѣренно утрируя нѣкоторыя детали офицерской формы, — на примѣръ, появляясь на парадахъ или разводахъ то съ непомѣрно большой, то съ игрушечно-миніатюрной саблею, и подчасъ попадалъ за эти «неумѣстныя шутки» на гауптвахту.

Жизнь на Кавказѣ, въ боевой обстановкѣ, убѣдила Лермонтова, что настоящій военный духъ живетъ не въ людяхъ, стремящихся «на ловлю счастья и чиновъ», но въ безвѣстныхъ и скромныхъ Максимахъ Максимычахъ, безъ фразъ дѣлающихъ свое прямое дѣло и умбюющихъ спокойно и безстрашно жертвовать своею жизнью за родину, когда она того требуетъ. Последнее подтверждается и свидѣтельствомъ современника Лермонтова князя А. И. Васильчикова. «Лучшіе изъ офицеровъ,—пишетъ онъ,—старались вырваться изъ Михайловскаго манежа и красносельскаго лагеря на Кавказъ, а молодые люди, привязанные родственными связями къ гвардіи и придворному обществу, составляли группу самыхъ бездарныхъ и безцвѣтныхъ парадеровъ и танцоровъ».

Несмотря на крайнюю сбивчивость официальныхъ данныхъ о службѣ Лермонтова на Кавказѣ въ 1837 году, можно со значительною долею увѣренности сказать, что боевое крещеніе поэтъ получилъ именно тогда. Правда, ему не довелось въ первый свой

пріѣзды участвовать въ большихъ дѣлахъ противъ горцевъ, но и отдѣльныя стычки съ ними были въ достаточной мѣрѣ опасны и рискованны, какъ рискованны и опасны были постоянныя странствованія Лермонтова по Кавказу, во время которыхъ ему приходилось неоднократно отстрѣливаться отъ лезгинскихъ наѣздовъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Россіи,—пишетъ Лермонтовъ Раевскому,—я находился въ непрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ линію всю вдоль отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы; былъ въ Шушѣ, въ Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по-черкесски, съ ружьемъ за плечами, иочевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское...»

И вотъ какъ разъ тогда, когда Лермонтовъ сталъ привыкать къ походной и увлекательной въ своей опасности кавказской боевой жизни, хлопоты бабушки поэта Е. А. Арсеньевой, старадавшей въ разлукѣ съ внукомъ, завершились успѣхомъ, и Лермонтовъ вновь былъ переведенъ въ Россію—сначала въ Гродненскій гусарскій, а затѣмъ и въ лейбъ-гусарскій полкъ въ Царское Село.

Петроградскій высшій свѣтъ встрѣтилъ прощенного поэта съ распростертыми объятіями,—но теперь уже это было ему не нужно. «Я несчастнѣйшій человекъ,—пишетъ онъ М. А. Лопухиной,—п вы мнѣ повѣрите, узнавъ, что я ежедневно ѣзжу по баламъ: я пустился въ большой свѣтъ. Въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали наперерывъ... Весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами, самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаютъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ скучно... Вы знаете, что самый главный мой недостатокъ—суетность и самолюбіе; было время, когда я, какъ новичекъ, искалъ доступа въ это общество; аристократическія двери были для меня закрыты, теперь въ это же самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человекомъ, завоевавшимъ себѣ права. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія... Согласитесь, что все это можетъ опьянять; но, къ счастью, меня выручаетъ природная моя лѣнь, и мало-помалу я начинаю находить все это довольно невыносимымъ».

Лермонтова неодолимо тянетъ обратно на Кавказъ—«на могучій пиръ войны»... Но его не пускаютъ туда, какъ не пускаютъ и въ отставку. Онъ чувствуетъ себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Натянутыя струны отношеній естественно должны были оборваться. Въ февралѣ 1840 года у Лермонтова произошло въ домѣ графини Лаваль крупное объясненіе съ сыномъ французскаго посланника Барантомъ, которое закончилось дуэлью и въ окончательномъ своемъ результатѣ привело Лермонтова ко вторичной ссылкѣ на Кавказъ,—но теперь уже въ Тенгинскій пѣхотный полкъ.

Въ боевомъ отношеніи этотъ пріѣздъ Лермонтова былъ для него гораздо счастливѣе перваго: ему удалось принять самое дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ отряда генераль-лейтенанта Галафѣева противъ чеченцевъ.

10-го іюня Лермонтовъ прибылъ въ Ставрополь, въ главную квартиру командующаго Кавказской линіею, а менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ уже принималъ участіе въ ожесточенныхъ перестрѣлкахъ во время похода изъ крѣпости Грозной въ Малую Чечню. Въ лѣсу, на самомъ берегу Валерика—«рѣчки смерти»—отрядъ ген. Галафѣева встрѣтилъ значительныя чеченскія силы, и здѣсь 11-го іюля произошла шестичасовая упорный бой. «Насъ было всего двѣ тысячи пѣхоты,—пишетъ Лермонтовъ своему другу А. А. Лопухину:—а ихъ до шести тысячъ; и все время дрались штыками. У насъ убыло тридцать офицеровъ и триста рядовыхъ, а ихъ шестьсотъ тѣлъ осталось на мѣстѣ,—кажется, хорошо! Вообрази себѣ, что въ оврагѣ, гдѣ была потѣха, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью»...

Огромное присутствіе духа и неустрашимая храбрость Лермонтова въ дѣлѣ подъ Валерикомъ были засвидѣтельствованы генераломъ Галафѣевымъ въ официальномъ донесеніи генераль-адъютанту Граббе, главноначальствующему войсками Сѣвернаго Кавказа.

«Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ,—читаемъ мы здѣсь,—во время штурма непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикѣ имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшей для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, несмотря ни на какія опасности, исполнилъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы».

Сраженіе подъ Валерикомъ Лермонтовъ навсегда обезсмертилъ въ своемъ исполненномъ глубины и вдохновенія стихотвореніи «Валерикъ», которое, по словамъ Кропоткина, —«людьми, побывавшими въ сраженіяхъ, считается лучшимъ и наиболѣе точнымъ описаніемъ битвы, какое существуетъ въ поэзіи».

По дошедшимъ до насъ официальнымъ даннымъ, Лермонтовъ послѣ Валерикскаго дѣла принимаетъ участіе въ рядѣ перестрѣлокъ съ чеченцами, именно 12-го іюля при сожженіи деревни Ачхой, 13-го и 14-го іюля въ окрестностяхъ рѣки Сунжи. Вѣроятно, во время этихъ вооруженныхъ столкновеній у Лермонтова возникаетъ мысль попытать счастье въ партизанской войнѣ, войдя въ составъ такъ называемой «Дороховской» охотничьей команды, которая наводила ужасъ на горцевъ своей ловкостью и безпашанной смѣлостью.

Послѣ почти двухмѣсячнаго прерыва, въ началѣ октября

отрядъ генерала Галафѣева опять возобновилъ военныя дѣйствія противъ чеченцевъ, приче́мъ въ одной изъ первыхъ же перестрѣлокъ Руфинъ Дороховъ былъ тяжело раненъ и командованіе его отрядомъ перешло къ Лермонтову.

По словамъ награднаго списка, составленнаго генераломъ Галафѣевымъ, но для Лермонтова такъ и оставшагося безрезультатнымъ, «12-го октября на фуражировкѣ за Шали, пользуясь плодскостью мѣстоположенія, Лермонтовъ бросился съ горестью людей на превосходнаго числомъ непріятеля и неоднократно отбивалъ его нападеніе на цѣпь нашихъ стрѣлковъ и неоднократно же поражалъ собственной рукою хищниковъ».

Подъ 15-мъ октября тамъ же записано: «Лермонтовъ съ командою первый прошелъ Шалинскій лѣсъ, обращая на себя всѣ усилія хищниковъ, покушавшихся препятствовать нашему движенію, и занялъ позицію въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ опушки. При переиравѣ черезъ Аргунъ онъ дѣйствовалъ отлично противъ хищниковъ, и пользуясь выстрѣлами нашихъ орудій, внезапно кинулся на партію непріятеля, которая тотчасъ же ускакала въ ближайшій лѣсъ, оставивъ въ рукахъ нашихъ два тѣла».

По возвращеніи изъ осенняго похода Лермонтовъ сообщалъ А. А. Лопухину: «Пишу тебѣ изъ крѣпости Грозной, въ которую мы, т. е. отрядъ, возвратились послѣ двадцатидневной экспедиціи въ Чечню. Не знаю, что будетъ дальше, а пока судьба меня не очень обижаетъ: я получилъ въ наслѣдство отъ Дорохова, котораго ранили, отборную команду охотниковъ, состоящую изъ ста казаковъ—разный сбродъ, волонтеры, татары и прочіе, это нѣчто вродѣ партизанскаго отряда и, если мнѣ случится съ нимъ удачно дѣйствовать, то авось что-нибудь дадутъ; я ими только четыре дня въ дѣлѣ командовалъ и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но такъ какъ мы будемъ воевать еще цѣлую зиму, то я успѣю ихъ раскусить».

Къ этому времени Лермонтовъ уже успѣлъ окончательно и прочно слиться съ кавказскою боевою средою. «Я вошелъ во вкусъ войны, — признается онъ въ одномъ изъ своихъ откровенныхъ писемъ, — и увѣренъ, что для человѣка, который привыкъ къ сильнымъ ощущеніямъ этого банка, мало найдется удовольствій, которыя бы не показались приторными». Но на штабныхъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ изъ Петрограда дѣлать на Кавказѣ карьеру, воинственный азартъ и опрощеніе Лермонтова производили непріятное впечатлѣніе. «Лермонтовъ собралъ какую-то шайку грязныхъ головорѣзовъ, — съ брезливостью говорилъ желчный баронъ Россильонъ. — Они не признавали огнестрѣльнаго оружія, врѣзывались въ непріятельскіе аулы, вели партизанскую войну и именовались громкимъ пменемъ Лермонтовскаго отряда. Длилось это, впрочемъ, недолго, потому что Лермонтовъ нигдѣ не могъ усидѣть, вѣчно рвался куда-то и пичего

не доводилъ до конца. Когда я его видѣлъ на Сулакѣ, онъ былъ мнѣ противенъ необычайною своею неопрятностью. Онъ носилъ красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядѣла почернѣвшею изъ-подъ вѣчно растегнутаго сюртука поэта, который носилъ онъ безъ эполетъ, что, впрочемъ было на Кавказѣ въ обычаѣ. Гарцовалъ Лермонтовъ на бѣломъ какъ снѣгъ, конѣ, на которомъ, молодецки заломивъ бѣлую холщевую шапку, бросался на чеченскіе завалы».

Разказы о личной храбрости Лермонтова долго жили на Кавказѣ и передавались изъ устъ въ уста. Дѣйствительно, Лермонтовъ словно испытывалъ свою судьбу: то отправлялся ужинать за черту лагеря, каждую минуту рискуя быть убитымъ подкравшимся горцемъ, то затѣвалъ горячіе споры подъ ружейнымъ огнемъ неприятеля, иногда,—какъ было это съ декабристомъ Лихаревымъ,—стоившіе жизни его собесѣдникамъ.

Чувствовалось, что въ этой напряженной атмосферѣ постоянной опасности Лермонтовъ испытывалъ какое-то внутреннее удовлетвореніе. Встрѣтившій его въ Ставрополѣ, послѣ осенней экспедиціи, инженеръ баронъ Дельвигъ нашелъ Лермонтова веселымъ, оживленнымъ и остроумнымъ. Между прочимъ, Лермонтовъ увѣрялъ наднаго до знаковъ отличія барона Дельвига, что по казачьимъ землямъ можно ѣздить только штабъ-офицерамъ или съ крестомъ на шеѣ, иначе-де подвергнешься неприяностямъ со стороны казаковъ и потому убѣждалъ его петличный аннинскій крестъ надѣть на шею.

Въ январѣ же 1841 года, черезъ недѣлю послѣ встрѣчи съ Дельвигомъ, Лермонтовъ отбылъ въ послѣднее свое путешествіе на сѣверъ. Невеселымъ оказалось на этотъ разъ пребываніе его въ Петроградѣ. Его жизнью здѣсь тяготились и администрація торопила опальнаго поэта съ обратнымъ отъѣздомъ. Пробывъ въ столицѣ все-таки около трехъ мѣсяцевъ, Лермонтовъ уѣхалъ на югъ, «надѣясь выслужить себѣ на Кавказѣ отставку». Покидая Петроградъ, онъ набросалъ язвительное восьмистишіе по адресу своего недоброжелателя—тогдашняго всеильнаго шефа жандармовъ Бенкендорфа—и его приспѣшниковъ:

Прощай, немытая Россія,
Страна рабовъ, страна господъ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный имъ народъ.
Быть можетъ, за хребтомъ Кавказа
Укроюсь отъ твоихъ пашей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей.

Но ни одной изъ надеждъ Лермонтова не суждено было сбыться. Вслѣдъ за поетомъ было послано изъ Петрограда на Кавказъ секретное предписаніе о томъ, чтобы поручика Лермонтова ни подъ ка-

кимъ видомъ не удалять изъ фронта полка. «Паши» распространили свою тяжкую власть на поэта и «за хребтомъ Кавказа», обрекая его на беспросвѣтное прозябаніе въ нѣдрахъ захолустнаго армейскаго полка.

Къ счастью для Лермонтова, онъ такъ никогда и не зналъ объ этомъ пачальственномъ распоряженіи, навсегда обрывавшемъ его боевую карьеру...

Съ момента прибытія Лермонтова на Кавказъ событія его жизни развертываются съ фатальной быстротою: судьба приводитъ его въ Пятигорскъ, толкаетъ на нелѣпую ссору съ Мартыновымъ и ставитъ подъ роковой выстрѣлъ его пистолета.

Знаменательно, что уже на пути къ мѣсту поединка мысли Лермонтова заняты творческими проектами, но при этомъ въ связи съ войною. По утверженію П. К. Мартынова, во время послѣдней бесѣды своей съ секундантомъ Глѣбовымъ, поэтъ говорилъ ему: «Я выработалъ уже планъ двухъ романовъ: одного—изъ времени смертельнаго боя двухъ великихъ націй, съ завязкою въ Петербургѣ, дѣйствіями въ сердцѣ Россіи и подъ Парижемъ, и завязкою въ Вѣнѣ, и другого—изъ кавказской жизни съ Тифлисомъ при Ермоловѣ, его диктатурой и кровавымъ усмиреніемъ Кавказа, персидской войной и катастрофой, среди которой погибъ Грибоѣдовъ въ Тегеранѣ,—и вотъ придется сидѣть у моря и ждать погоды, когда можно будетъ приняться за кладку ихъ фундамента. Недѣли черезъ двѣ уже нужно будетъ отправиться въ отрядъ, къ осени пойдемъ въ экспедицію, а изъ экспедиціи когда еще вернемся!..»

До самаго послѣдняго мгновенія, присутствіе духа не измѣнило Лермонтову. «Въ эту минуту и въ послѣдній разъ,—вспоминалъ о дуэли тридцать лѣтъ спустя ея участникъ князь А. И. Васильчиковъ,—я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него...».

Дохнула буря,—цвѣтъ прекрасный
Увяль на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на алтарѣ...

II.

То увлеченіе войною, «упоеніе въ бою», которое красною нитью проходитъ почти черезъ всю жизнь Лермонтова, естественно, не могло не проявиться въ его творчествѣ. Но, какъ и многія другія воззрѣнія Лермонтова, взгляды его на войну въ теченіе его короткой жизни переживаютъ значительную эволюцію.

Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы,—

говорить Лермонтовъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи «Поэтъ», обращаясь къ пѣвцу, который нынѣ «свое утратилъ назначенье...» И самъ Лермонтовъ на исходѣ дней своихъ едва ли могъ уже чеканнымъ стихомъ вдохновлять воиновъ, пробуждая въ нихъ жажду мести и крови... Время наложило свой отпечатокъ на душу поэта, измѣнились и его прежніе взгляды на войну.

Еще совсѣмъ юнымъ мальчикомъ онъ мечтаетъ о битвахъ, какъ о томъ вольномъ просторѣ, гдѣ можно съ такою мощью показать свою неустрашимую удаль и надменно сбросить съ себя докучныя

Образованности цѣпи
И вериги бытія.

При извѣстіи о началѣ турецкой войны въ 1829 году Лермонтовъ пишетъ полудѣтское, несомнѣнно навѣянное Пушкинымъ, но характерное для тогдашняго его настроенія стихотвореніе:

Зажглась, друзья мои, война,
И развились знамена чести;
Трубой завѣтною она
Манить въ поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напѣвы
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны дѣвы!
Забуду я тебя, любовь,
Суесть и юности отрава,
И полечу свободный вновь
Ловить вѣнокъ небренной славы!

(«Война»).

Поэта властно влечетъ туда, гдѣ все еще полно преданіями о ратныхъ подвигахъ его шотландскихъ предковъ, и онъ съ грустью сѣтуетъ на свою судьбу, жалуясь, что

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ среди чуждыхъ снѣговъ...

Ему хотѣлось бы стать птицею, степнымъ ворономъ,—и тогда,—
мечтаетъ поэтъ,—

На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ
Ихъ забвенный покоится прахъ.
На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечомъ и щитомъ
И смахнуть бы я пыль съ нихъ крыломъ.

(«Желаніе»).

Но и въ этомъ соприкосновеніи съ памятниками прежней бранной славы мало радости для вольнолюбивой души поэта. Вѣдь все это—отжившее, уже не настоящее. Вокругъ него тамъ будутъ только могилы, напоминающія о прошломъ, и больно думать, что тѣ, передъ которыми трепетали недруги, «спять послѣднимъ сномъ давно». И вотъ поэтъ мысленно—на могилѣ одного изъ почившихъ бойцовъ. И думается ему, что тамъ, глубоко подъ зеленымъ холмомъ, теперь—

... блѣдны щеки мертвеца,
Какъ ликъ его враговъ
Блѣднѣль, когда являлся онъ,
Одинъ средь ихъ рядовъ.
Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело;
И червь, движенья не боясь,
Ползетъ черезъ чело.
На то ль онъ жилъ и мечъ носилъ,
Чтобъ въ часъ вечерней мглы
Слетались на курганъ его
Пустынные орлы?
Хотя пѣвецъ родной земли
Не разъ ужъ пѣлъ о немъ,
Но пѣснь—все пѣснь, а жизнь—все жизнь!..
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ.

(«Могила бойца»).

Да, «жизнь—все жизнь»—и она беретъ свое. Бодрѣе и легче становится на душѣ, когда воспринимаешь только опьяняющую сторону войны, ея поэзію и не задумываешься о сопутствующихъ ей могильныхъ холмахъ и крестахъ. Въ раннихъ произведеніяхъ Лермонтова еще мало рефлексіи по поводу войны. Правда, на послѣдней онъ иногда склоненъ видѣть слѣды Каиновой печати, восклицая патетически въ «Измаиль-Беѣ»:

Война! знакомый людямъ звукъ
Съ гѣхъ поръ, какъ братъ отъ братнихъ рукъ
Предъ алтаремъ погибъ невинно...

А въ другой поэмѣ, именно въ «Ангелѣ Смерти», дѣлаетъ укоризненный вопросъ:

Зачѣмъ въ долинѣ сокровенной
Отъ миртовъ дышитъ аромать?
Зачѣмъ?.. Властители вселенной,
Природу люди оскверняютъ.
Цвѣтокъ измятый обagrится
Ихъ кровью...

Но подобныя настроенія протеста противъ несправедливости войны не стойки въ юношескомъ творчествѣ Лермонтова и легко вытѣсняются красотой и упоеніемъ боя, столь ярко отраженными въ картинахъ битвъ—и въ «Черкесахъ», и въ «Литвинкѣ», и въ

томъ же «Ангелъ смерти», и во многихъ другихъ произведеніяхъ молодости Лермонтова. Вотъ, напримѣръ, ставшая извѣстной только недавно ранняя поэма Лермонтова «Послѣдній сынъ вольности». Ратныя неудачи героя новгородскаго Вадима въ его борьбѣ за свободу и даже самая трагическая смерть его въ единоборствѣ съ Юрикомъ, которому онъ хочетъ отомстить за оскорбленіе прекрасной Леды, все это не холодить душу читателя безнадежностью. Пусть

Надъ непреклонной головой
Ударъ спустился роковой...»

Пусть

... Паль въ крови, и палъ одинъ—
Послѣдній вольный славянинъ—

эта героическая смерть такъ красива, въ ней такъ много яснаго и свѣтлаго мужества и затѣмъ,—можетъ быть, это даже самое главное,—она описана поэтомъ съ такимъ юношескимъ подъемомъ, что примиришься съ нею, какъ съ неизбежной жертвой борьбы.

«Въ дѣтствѣ и юности Лермонтовъ былъ большой патріотъ въ чисто военномъ смыслѣ,—совершенно справедливо замѣчаетъ академикъ Н. А. Котляревскій въ своемъ капитальномъ трудѣ, посвященномъ Лермонтову.—Слава родины для него была неразрывно связана со славою русскаго оружія. Побѣда надъ врагомъ, кто бы онъ ни былъ,—была для Лермонтова предметомъ наибольшей гордости. Въ «Измаиль-Беѣ» такія патріотическія тирады выступаютъ наиболѣе ярко: русская держава разрастается въ мечтахъ поэта до предѣловъ державы всемірной и всѣ народы преклоняются передъ русскимъ императоромъ.

Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?
И гдѣ вельнью русскаго царя
Измѣна и вражда не покорялись?
Смирись, черкесь! и Западъ, и Востокъ,
Быть можетъ, скоро твой раздѣлять рокъ.
Настаетъ часъ—и скажешь самъ надменно:
«Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!»
Настаетъ часъ!—и новый грозный Римъ
Украститъ съверъ Августомъ другимъ!»

По мѣрѣ того, какъ крѣпнеть и развивается поэтическій талантъ Лермонтова, въ его поэзію войны начинаютъ проникать новые мотивы. Однимъ изъ интереснѣйшихъ среди нихъ является проводимая и въ «Измаиль-Беѣ», и отчасти въ «Бѣглецѣ» мысль о связи военной удачи съ вѣрностью въ любви. Въ «Пѣснѣ Селима», такъ проникновенно положенной на музыку недавно умершимъ композиторомъ М. А. Балакиревымъ, дѣвушка, отпуская на битву юношу-воина, закликаетъ его:

Мой милый! смѣлѣ
Ввѣряйся ты року,
Молися востоку,
Будь вѣренъ Пророку,
Любви будь вѣрнѣ!
Всегда награжденъ,
Кто любить до гроба,—
Ни зависть, ни злоба
Ему не законъ.
Пускай его смерть и погубить:
Одинъ не погибнетъ, кто любить!
Любви измѣнивши
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы.
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ!

Та же мысль находить себѣ болѣе совершенное выраженіе въ стихотвореніи «Кинжалъ», написанномъ Лермонтовымъ въ 1837 году. Глядя на подаренный любимой женщиной «въ минуту разставанья» булатный свой кинжалъ, на этотъ символъ войны, облитый женскими слезами, поэтъ общаетъ:

Да, я не измѣнюсь и буду твердъ душой,
Какъ ты, какъ ты, мой другъ желѣзный.

Въ желѣзную твердость и мощь души русскаго воина Лермонтовъ вѣрилъ крѣпко и постоянно. Да и могъ ли онъ не вѣрить въ нихъ, когда онъ не только зналъ во всѣхъ подробностяхъ бытъ своихъ солдатъ, по, по свидѣтельству современника, «совершенно входя въ ихъ образъ жизни, спалъ на голой землѣ, ѣлъ съ ними изъ одного котла и раздѣлялъ всѣ трудности похода». Поэтому-то, глядя, какъ

Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны, какъ тучи,
Прямо на востокъ,—

онъ, испытывая холодъ восторга при созерцаніи прекрасной въ своей величественности воинственной картины, въ то же время понималъ ея реальное значеніе. Ему было извѣстно по личному опыту, какую цѣну въ бою имѣетъ эта готовность—пообѣдить или умереть, и, видя, какъ

Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки,—

онъ чувствовалъ свою органическую связь съ ними и еще чувствовалъ, что никакія невзгоды не сломятъ твердости, непобѣдимой въ конечномъ итогѣ, русской солдатской души.

И въ прошломъ своей родины Лермонтовъ находилъ подтвержденіе этимъ своимъ убѣжденіямъ. Героическая эпопея 1812 года, о которой столько рассказывалъ ему наставникъ его дѣтства французъ Капэ, была не разъ источникомъ его поэтическихъ вдохновеній, среди которыхъ отмѣтимъ символическое описаніе борьбы русскаго и французскаго народовъ въ стихотвореніи «Два великана» и, въ особенности, «Бородино».

Какъ извѣстно, послѣднее стихотвореніе подвергалось неоднократно иередѣлкамъ, и до насъ дошли двѣ его редакціи,—одна, озаглавленная «Поле Бородина» и относящаяся къ 1830 году, другая, названная просто «Бородино» и напечатанная въ 1837 году. Здѣсь мы имѣемъ два одновременныхъ воспріятія военныхъ впечатлѣній, но первое принадлежитъ юношѣ, склонному къ мелодраматическимъ уклонамъ, а второе произведеніе пера зрѣлаго челоувѣка, пытавшагося перевоплотиться въ душу простого солдата—участника Отечественной войны,—психологія котораго въ 1837 г. была уже хорошо знакома Лермонтову. «При всей живописи военной сценнровки, при крайне гиперболическомъ описаніи геройскихъ подвиговъ,—говорить о «Бородинѣ» академикъ Н. А. Котляревскій,—какая сдержанность въ отношеніи къ побѣжденному врагу, какъ мало побѣднаго грома!» «Въ «Бородино» поэтъ вложилъ всю свою любовь къ русскому народу, всю вѣру въ его скрытыя могучія силы,—замѣчаетъ со своей стороны г. Леонидъ Семеновъ въ своемъ новомъ интересномъ трудѣ «Лермонтовъ и Левъ Толстой».—Его ветеранъ двѣнадцатаго года—не хвастунъ, не балагуръ, передъ нами челоувѣкъ, выдавшій виды, но степенный. Ему присущи высокія качества нашего солдата—любовь къ отчизнѣ, крѣпкая вѣра въ Бога, отвага, преданность своему вождю и готовность всего себя отдать для блага другихъ...»

Уже въ «Бородинѣ» начинаетъ намѣчаться та сторона войны, которая какъ-то ускользала до сихъ поръ отъ Лермонтова. Изъ-за блеска побѣды, сквозь упоеніе боя—проступаетъ скорбь о жертвахъ борьбы: грусть слышится и въ воспоминаніи о «сраженномъ булатомъ» и «спящемъ въ землѣ сырой» любимомъ полковникѣ, и о павшихъ товарищахъ, трупы которыхъ приходится считать послѣ сраженія...

Въ «Казачьей колыбельной пѣснѣ» это настроеніе сказывается еще болѣзненнѣе въ формѣ трагической антитезы скорби матери, провожающей сына на войну, и смѣлой удали послѣдняго въ его стремленіи къ браннымъ подвигамъ. Тутъ уже предчувствуются Некрасовскія «Слезы бѣдныхъ матерей»,—которымъ

... не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивъ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

А дальше... дальше «Завѣщаніе», отъ котораго такъ и вѣтъ героизмомъ и спокойствіемъ честно принятой смерти, гдѣ умирающій отъ ранъ съ трогательною заботливостью оберегаетъ своихъ стариковъ-родителей отъ роковой вѣсти о своей близкой кончинѣ.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты въ живыхъ...
Признаться, право, было бѣ жаль
Мнѣ опечалить ихъ;
Но если кто изъ нихъ и живъ,
Скажи, что я писать лѣнивъ,
Что полкъ въ походъ послали,
И чтобъ меня не ждали...

«Одно изъ страшныхъ золъ войны—страданія раненыхъ, забытыхъ на полѣ сраженія,—пишетъ г. Леонидъ Семеновъ въ цитированномъ мною уже выше изслѣдованіи.—Во сто кратъ счастливѣе тотъ, кто умираетъ на рукахъ родныхъ или товарищей; но лежать среди мертвыхъ или умирающихъ, испытывать острые физическія муки, невыносимое чувство одиночества, тоски по близкимъ, терпѣть голодъ, жажду, зной...

«— Скажите, что вы чувствовали, когда лежали среди убитыхъ и раненыхъ?—спросилъ однажды Лермонтовъ генерала Шульца, который подъ Ахульго получилъ рану и весь день пролежалъ тогда на землѣ, пока его не подобрали.

«— Что я чувствовалъ? Я чувствовалъ, конечно, беспомощность, жажду подъ палящими лучами солнца; но въ полузабытѣ мысли мои часто неслись далеко отъ поля сраженія, къ той, ради которой я очутился на Кавказѣ... Помнить ли она меня, чувствуетъ ли, въ какомъ жалкомъ положеніи очутился ея женихъ... (Шулецъ любилъ дѣвушку, съ которой по волѣ ея родителей долженъ былъ разстаться; онъ уѣхалъ на Кавказъ; невѣста общала остаться ему вѣрной). Черезъ нѣсколько дней поэтъ встрѣтилъ Шульца и сказалъ: «Благодарю васъ за сюжетъ. Хотите прочесть?» И онъ прочелъ ему стихотвореніе «Сонъ» («Въ полдневный жаръ, въ долину Дагестана...»).

Цикль произведеній Лермонтова, посвященныхъ войнѣ, завершается «Валерикомъ».

Это произведеніе не только важно, какъ непосредственное отраженіе пережитой Лермонтовымъ дѣйствительности, оно характерно и какъ психологическій матеріалъ. Еще на дняхъ, при посѣщеніи одного изъ госпиталей, я спрашивалъ раненыхъ солдатъ о ихъ переживаніяхъ въ теченіе боя, и всѣ они, въ одинъ голосъ, утверждали, что во все время сраженія, были «какъ шальные». Этимъ, видимо, они старались опредѣлить тотъ подъемъ, который переживается почти каждымъ въ битвѣ. И тѣмъ острѣе — послѣдующее возвращеніе къ дѣйствительности.

Этотъ переходъ гениально отраженъ въ «Валерикѣ».

Вотъ русскія войска подошли къ самому завалу, гдѣ спрятались чеченцы...

Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись,—молчать...
То было грозное молчанье!..
Не долго длилось оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьи
Забилось сердце не одно.
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежать рядами...
Что нужды? Здѣшние полки
Народъ испытанный... «Въ штывки!
Дружнѣ!»—раздалось за нами.
Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди...
Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня...
«Ура!»—и смолкло.—«Вонъ кинжалы!..
Въ приклады!..» И пошла рѣзня.
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь;
Ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть,—
И зной и битва утомили
Меня,—но мутная волна
Была тепла, была красна...

И когда стихъ шумъ боя, когда остыли чувства—поэтъ увидалъ умирающаго капитана, окруженнаго своими опечаленными солдатами,—и болью сжалось его сердце, постигая весь ужасъ войны.

Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ,
А тамъ, вдали, грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ,
Тянулись горы, и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?..

Съ этимъ вѣчнымъ вопросомъ на устахъ, не разрѣшивъ его, сошелъ въ могилу Лермонтовъ,—едва ли суждено разрѣшить его и намъ, теперь живущимъ на землѣ.

«Валерикъ»,—пишетъ Мережковскій,—первое во всемирной литературѣ явленіе того особеннаго русскаго взгляда на войну,

который такъ безконечно углубилъ Л. Толстой. Изъ этого горькаго зерна выросло исполинское дерево «Войны и мира».

И думается, что какъ Лермонтовъ, съ беззаветной отвагою бросавшійся на чеченскіе завалы, такъ и Левъ Толстой, глядѣвшій смерти прямо въ глаза на четвертомъ бастионѣ осажденнаго Севастополя, оба сознательно были въ концѣ жизни ближе къ идеѣ «мира всего міра», чѣмъ многіе и многіе кабинетные ученые-пацифисты, никогда не державшіе въ рукахъ оружья.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

